

Кукуша

**Круг, который не
кончается
(Кукуша #10)**

Кукуша Кукуша Круг, который не кончается (Кукуша #10)

<https://litres.ru/74071224>

SelfPub; 2026

Аннотация

Двадцать лет назад Кукуша вышла во двор в облачном платье с мандаринами и верой в то, что мир можно спасти. С тех пор многое изменилось: выросла дочь София, состарилась Чуня, ушли старые друзья, и пришли новые. Но круги у тополя не прекращаются. В этой финальной повести Кукуша подводит черту: она собирает последний круг, чтобы сказать спасибо каждому — соседям, мужу, дочери, профессору Кротову, который ушёл на небо, и, конечно, своей собаке Чуне. Лохматый учитель, который научил её не планировать, а жить, радоваться мелочам и не бояться крушений. Это трогательная и мудрая история о том, что настоящий круг не заканчивается никогда. Он продолжается в детях, в мандариновых корках на батарее, в оранжевых лампочках над дверью и в любви, которая сильнее времени. Круг, который не кончается — это финал серии, после которого остаётся только тёплый свет и желание обнять того, кто рядом.

Кукуша

Круг, который не кончается (Кукуша #10)

Пролог. Мысль о последнем разе

Кукуша проснулась от того, что за окном звонко чирикали воробьи. За десять лет она привыкала к разным звукам: к плачу Софии, когда та была младенцем и не хотела спать; к лаю Чуни, которая требовала еды или прогулки в неурочный час; к ворчанию Павла, когда он искал очки, лежащие у него на лбу; к стуку тополиных веток о крышу в ветреные ночи. Но воробьи пели всегда. Даже в самые тяжёлые дни — когда болела Чуня, когда ссорилась с Павлом, когда казалось, что все её философские идеи ничего не стоят. Воробьи не спрашивали разрешения. Они просто пели.

Она села на кровати, посмотрела на спящего рядом Павла — он чуть постарел, на висках появилась седина, но лицо было таким же родным — на Чуню, которая лежала у неё в ногах, свернувшись калачиком, и вдруг подумала: «А ведь когда-нибудь это кончится. Не любовь, нет. А эти дни. Эти утра. Этот тополь за окном. Звук чайника на кухне. Шаги Павла в коридоре. Чуня, которая тычется носом в ладонь, чтобы её погладили».

Мысль была не горькой, а какой-то прозрачной, как утрен-

ний воздух, когда ещё не проснулся город и только воробьи нарушают тишину. В ней не было отчаяния — только лёгкая печаль и странная благодарность.

— Павел, — сказала она, тронув мужа за плечо. — А что, если сегодня собрать последний круг?

Павел не открыл глаз. Он всегда просыпался медленно, как будто не хотел расставаться со снами.

— Последний? — пробормотал он, всё ещё не понимая. — Почему последний?

— Не знаю. Чувствую. Что надо подвести черту. Как в книге. Ты же филолог, должен понимать.

— В хорошей книге черту не подводят, — сказал Павел, наконец открывая глаза. — Просто переворачивают страницу. И читают дальше.

— Вот и я хочу перевернуть страницу. Не закрыть книгу. А перевернуть.

Она встала, накинула халат, вышла на кухню. Чайник уже закипел — она поставила его автоматически, даже не думая. Налила кофе в свою любимую кружку с надписью «Лучший философ двора» — София подарила на восьмое марта. Села у окна.

За десять лет дневников стало много — целая полка в шкафу. Синие, зелёные, потрёпанные, с пятнами от кофе и мандаринового сока. Каждый год — новый дневник, каждая повесть — новый этап. Но этот, последний, был почти пуст. Только несколько записей в начале, только наброски идей,

которые она так и не развила.

Она открыла его на первой странице и написала:

«Сегодня я собираю последний круг. Не потому, что устала. Не потому, что разочаровалась. А потому, что хочу запомнить этот день. Каждого. Каждую улыбку. Каждое слово. Круги не кончаются, но этот будет особенным. Он будет о том, что мы стали друг другу семьёй. Не по крови. По духу. По выбору. По любви».

Она отпила кофе, посмотрела в окно. Тополь был старым, шумным, в его кроне давно поселились воробьи и одна белка. Рыжая, пушистая, с длинным хвостом, она скакала по веткам каждое утро, собирая шишки. София называла её «Мандаринкой», потому что белка была цвета мандариновой корки.

На кухню вбежала София. Ей уже шёл одиннадцатый год, она училась в четвёртом классе, носила косички и ужасно походила на Кукушу в молодости — только без мандариновых корок в волосах, хотя иногда, для смеха, закладывала их за уши.

— Папа, а сегодня будет круг? — спросила она, запрыгивая на стул.

— Будет, — ответила Кукуша. — Самый главный.

— А почему самый главный?

— Потому что я так решила. Потому что я хочу, чтобы все пришли. Даже те, кто давно не приходил.

— А Чуня придёт?

— Конечно. Она — главная гостья. Без неё никакого круга не будет.

Чуня, услышав своё имя, спрыгнула с кровати — медленно, с достоинством пожилой леди, — подбежала к кухне, вильнула хвостом. Ей было уже десять — по собачьим меркам солидный возраст, почти пенсионный. Она поседела на морде, спала больше, чем раньше, и редко лаяла — только по делу. Но глаза оставались теми же — преданными, мудрыми, чуть грустными, как у существа, которое знает о жизни больше, чем говорит.

«Чуня, — подумала Кукуша. — Ты была моим учителем. Ты научила меня радоваться мелочам и не бояться крушений. Ты показала, что планы — это не главное. А главное — быть рядом. Сегодня я скажу тебе спасибо. При всех. Громко, чтобы ты поняла».

Она погладила собаку, поцеловала в макушку. Чуня пахла привычным запахом — псиной, улицей, сухой травой. Этот запах стал для Кукуши запахом дома.

— Ты — лучшая запятая в моей жизни, — сказала Кукуша. — Без тебя предложение было бы слишком прямым.

Чуня не поняла метафору. Но вильнула хвостом.

Глава 1. Сборы

Кукуша решила, что последний круг должен быть не во дворе — у тополя, как обычно, а у неё дома. В тесной квартире, где всё пахло мандаринами (она по-прежнему развешивала корки на батареях — традиция, которая пережила

десять лет), книгами и Чуней. Места было мало, но уюта — много.

— Поместятся все? — сомневался Павел, оглядывая гостиную, которую они освободили от лишней мебели. Диван отодвинули к стене, журнальный столик вынесли в коридор, кресло переставили в спальню.

— Поместятся, — уверенно сказала Кукуша. — Мы будем сидеть на полу. Как в старые добрые времена. Помнишь, когда мы только начинали, на круги приходили по десять человек и все умещались во дворе у тополя?

— Во дворе было больше места, — заметил Павел.

— А дома больше уюта. Не спорь.

Она испекла пирог. Сама. Без пожаров, без подгоревшей корочки, без теста, которое прилипает к противню. За десять лет она научилась готовить — не блестяще, как баба Зина, которая могла испечь пирог с закрытыми глазами, но съедобно. Даже вкусно. Павел больше не давился и не просил соль.

Баба Зина пришла на пробу утром, попробовала кусочек и вынесла вердикт:

— Ты стала человеком, Кукушка. Раньше от твоей стряпни можно было кастрюлю выкинуть вместе с содержимым. А теперь — ничего. Даже пальчики оближешь.

— Спасибо, баба Зина. Это вы научили. И жизнь. И Чуня.

— Чуня тут ни при чём, — отмахнулась баба Зина. — Собака не печёт пирогов. Собака — это про душу. А пироги — про руки. Ты своими руками научилась. Молодец.

Она похлопала Кукушу по плечу — сухой, тёплой ладонью — и ушла досматривать свои пирожки (она собиралась принести целую гору на круг).

Кукуша разослала приглашения в районный чат. Чат давно уже превратился из формального «соседского комитета» в дружескую переписку, где обсуждали погоду, рецепты, политику (редко и осторожно) и, конечно, Чуню.

Она написала просто:

«Дорогие мои. Сегодня в 18:00 у меня дома. Последний круг. Приходите, если помните. Если нет — всё равно приходите. Адрес вы знаете. Мандарины будут. Пирог тоже».

Ответы пришли мгновенно. Баба Зина: «Помню. Приду. С пирожками. Две горы». Дядя Гриша: «А чё сразу последний? Не помирать же собираешься? Хотя если помирать — то зови, я грех на душу возьму, последний коньяк открою. Приду, куда денусь». Валерий: «Буду. Чуне принесу подарок. Она заслужила. За все десять лет». Лена: «Приду с Артёмом. Он уже большой, почти как папа ростом, но помнит тебя. И мандарины. И как ты нас всех учила быть добрее». Аня и Катя: «Мы с гирляндой! Той самой, оранжевой! Давно не виделись. Ждите». Тётя Люба: «Принесу самовар. Чай пить без самовара — деньги на ветер. И не спорь, Кукушка, я старая, мне виднее».

Кукуша улыбнулась, читая сообщения. Ей показалось, что время вернулось назад. Но нет — время не вернулось. Оно сделало круг. Как и обещало. Как и всегда.

Глава 2. Старые друзья

В шесть часов квартира наполнилась людьми. Они приходили не все сразу, а потоком — сначала самые быстрые (Аня и Катя с гирляндой), потом те, кто живёт через подъезд (баба Зина и Валерий), потом те, кто добирался из других домов (Лена с Артёмом, дядя Гриша из соседнего двора).

Баба Зина пришла с пирожками — целой горой. Они лежали на трёх тарелках, накрытых льняным полотенцем: с капустой, с картошкой, с яблоками. Пахло от них так, что у Кукуши потекли слюнки, хотя она только что ужинала.

— Баба Зина, вы как всегда, — сказала Кукуша, обнимая старушку.

— А что я? Я — ничего. А пирожки — всё, — ответила баба Зина. — Я без пирожков — не я. Ты же знаешь.

Дядя Гриша пришёл с бутылкой коньяка — «для сугреву», как он выразился, хотя на улице было плюс двадцать. Бутылка была старой, с пылью на горлышке, видимо, береглась для особого случая.

— Для какого повода? — спросила Кукуша.

— Для последнего, — сказал дядя Гриша. — Ты же сказала — последний круг. Раз последний — значит, особенный. А особенный без коньяка не бывает.

— А если я не пью?

— А ты и не будешь. Я буду. За тебя.

Валерий Степанович пришёл с коробкой собачьего печенья для Чуни. Коробка была огромной, явно из дорогого ма-

газина, с золотыми буквами и нарисованными косточками.

— Валерий, это слишком дорого, — сказала Кукуша.

— Ничего не слишком, — ответил Валерий. — Чуня десять лет лечила мне душу. Днём и ночью. Каждый день. Самое малое, что я могу — купить ей печенья на полгода вперёд.

Лена пришла с Артёмом. Артём, которому было уже шестнадцать, вытянулся выше матери, голос сломался и стал басовитым, но в глазах оставалась та же детская доброта.

— Аглая, — сказал он, робея. — Я помню вас. Вы кормили меня мандаринами, когда я плакал. Вы сказали, что мужчины тоже плачут. Я запомнил.

Кукуша обняла его — как когда-то, маленького, плачущего на лавочке.

— Ты вырос, — сказала она. — А я — нет. Внутри.

Аня и Катя пришли с гирляндой — той самой, оранжевой, которую Кукуша помнила по первым кругам. Гирлянда была старой, несколько лампочек перегорели, но они всё равно её включили, и она замигала тёплым, неровным светом.

— Ты почти не изменилась, — сказала Аня, обнимая Кукушу.

— Изменилась. Я стала старше на десять лет. Вон, седина. И морщины вокруг глаз.

— А внутри?

— Внутри — тоже. Но, наверное, в хорошую сторону. Раньше я всё время куда-то бежала. Теперь могу просто си-

деть и смотреть в окно.

Тётя Люба пришла с самоваром — пузатым, медным, начищенным до блеска. Самовар было тяжело нести, она кряхтела, но тащила сама, никому не давая помочь.

— Чай без самовара — деньги на ветер, — повторила она, ставя его на стол. — А в самоваре и чай вкуснее, и разговор душевнее. Кукушка, ты меня поняла?

— Поняла, тётя Люба. Спасибо.

Катя осмотрела квартиру, заметила мандариновое дерево на подоконнике. Оно выросло до полуметра, веточки были тонкими, но зелёными, живыми. Плодов оно так и не дало — ни разу за десять лет.

— Оно ещё не зацвело? — спросила Катя.

— Нет, — вздохнула Кукуша. — Но я жду. Чуня верит, что зацветёт. А я верю Чуне.

Собака, услышав своё имя, подошла, села рядом с Катей, положила голову ей на колени. Катя погладила её.

— Чуня, ты тоже состарилась, — сказала Катя. — Морда седая. Глаза мудрые.

— Она мудрая, — сказала Кукуша. — Как древний философ. Только не пишет книг. И не спорит. И не требует гонораров.

Павел разливал чай из самовара. София помогала разносить тарелки с пирожками. Рыжая, старая кошка, которая всё ещё жила с ними (ей было уже семнадцать — почти рекорд для дворовой кошки), спала на диване и даже не поше-

велилась. Она привыкла к шуму, к гостям, к тому, что кто-то может случайно сесть на её хвост. Она была выше этого.

— Все в сборе? — спросила Кукуша, оглядывая комнату.

— Все, кроме Кротова, — тихо ответил Павел.

Кукуша погрузилась. Профессор Кротов умер два года назад. Она была на похоронах, плакала, потом долго не могла прийти в себя. Он завещал ей свою библиотеку — триста книг по философии, многие с его пометками на полях. Они стояли на отдельной полке, и Кукуша иногда перечитывала его карандашные заметки, чувствуя, что он всё ещё рядом.

— Он здесь, — сказала Кукуша, помолчав. — Я поставила его портрет на полку. Видите?

Все посмотрели на полку. Там, между томами Соловьёва и Бердяева, стояла фотография Кротова в его любимом свитере — сером, с вытертыми локтями. Он улыбался, шурился на солнце, держал в руках книгу Аверинцева.

— Будем считать, что он тоже на круге, — сказал дядя Гриша. — Я за него выпью. Он был хороший мужик. Хоть и профессор.

Он налил коньяк в чайную чашку (рюмок не нашлось), выпил, крикнул, занюхал рукавом.

— За упокой, — сказал он. — И за вечную память. И за то, чтобы мы помнили.

Кукуша кивнула. В горле стоял комок, но она не заплакала. Не сейчас.

Глава 3. Круг начинается

Кукуша попросила всех сесть в круг. Не приказала, не командовала — попросила тихо, почти шёпотом, как будто боялась спугнуть что-то важное. На полу, на стульях, на диване — как получилось, как легло. Люди пересаживались, шуршали одеждой, кто-то кряхтел (дядя Гриша), кто-то хихикал (Аня), кто-то поправлял юбку (баба Зина). Комната наполнилась движением, но не суетой — скорее торжественным перетеканием.

Кукуша взяла гирлянду, которую принесли Аня и Катя, и повесила её над дверью. Она делала это медленно, аккуратно, как будто совершала ритуал. Оранжевые лампочки замигали — не все, половина перегорела за десять лет, но те, что горели, создавали уютный, тёплый свет, похожий на свет от мандариновой корки, если на неё падает солнце.

— Помните, как всё начиналось? — сказала Кукуша, садясь на пол, скрестив ноги. Она не постелила ничего — ковер был старым, но чистым. — Десять лет назад. Тополь во дворе. Первый круг. Мандарины, которые я раздавала направо и налево. Вы, которые встали в круг, хотя я была для вас чокнутой соседкой с философскими закидонами. Я тогда так боялась, что никто не придёт. Помните? Я стояла у тополя полчаса, одна, с корзиной мандаринов, и думала: «Всё, провал. Никому не нужна твоя собранность».

— А мы пришли, — сказала баба Зина. — Я пришла, потому что скучно было. Дядя Гриша — потому что хотел пожаловаться на жизнь. Валерий — потому что мимо прохо-

дил. А остальные — потому что ты их позвала.

— И вы остались, — сказала Кукуша. — На десять лет. Это дорогого стоит.

— Ты и сейчас чокнутая, — заметил дядя Гриша, но беззлобно. Он сидел на стуле, опираясь на палку — колени уже не те. Десять лет дали о себе знать: пальцы скрючило артритом, спина согнулась, но голос остался прежним — ворчливым, но тёплым.

— Но добрая, — добавила баба Зина.

— Да, добрая чокнутая, — согласился дядя Гриша. — Я бы даже сказал: чокнутая добрячка. Это редкая порода. В основном чокнутые — злые. А ты добрая. Поэтому мы и остались.

— Спасибо, что не бросили, — сказала Кукуша. — Спасибо, что остались. Спасибо, что верили в меня, когда я сама в себя не верила. Это было не всегда легко. Я помню, как отменяла круги из-за дождя. Как собирала по три человека. Как дядя Гриша говорил, что это не круг, а угол. Но вы всё равно приходили.

— Приходили, потому что ты нас кормила, — усмехнулся дядя Гриша.

— Пирожками, — добавил Валерий.

— И мандаринами, — сказала Лена.

— А потом мы привыкли, — закончила баба Зина. — А потом полюбили.

Кукуша взяла Чуню на руки. Собака весила уже прилич-

но — годами нагуляла, и не только мандарины, но и кусочки колбасы, и пирожки от бабы Зины, и печенье от Валерия. Но Кукуша подняла её с усилием, крякнула (Павел улыбнулся — точь-в-точь как дядя Гриша), посадила в центр круга. Чуня не сопротивлялась, только вздохнула — мол, делай что хочешь, хозяйка, я уж потерплю. Ты меня десять лет носишь на руках, один раз — не страшно.

— Сегодня я хочу, чтобы Чуня была в центре, — сказала Кукуша, поправляя собаке ухо, которое завернулось. — Потому что она — моя главная учительница. Не Кротов, не Соловьёв, не Бердяев. А Чуня. Она научила меня не планировать, а жить. Не искать счастье, а замечать его — прямо здесь и сейчас, даже когда вокруг слякоть и дождь. Не бояться крушений, а принимать их как часть круга. Планы сбываются? Хорошо. Не сбываются? Тоже хорошо. Чуня сказала мне это не словами. Она просто жила рядом.

Чуня посмотрела на всех своими мудрыми, чуть мутноватыми от возраста глазами — катаракта, сказал ветеринар, но Кукуша не решалась на операцию, боялась наркоза — и вильнула хвостом. Один раз — лениво, но довольно. Старая, больная, почти слепая, но всё ещё здесь. Всё ещё с ними.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.